Сердцедержец

Есения Алова

18+

Есения Алова

Сердцедержец

«Автор»
2026

Алова Е.

Сердцедержец / Е. Алова — «Автор», 2026

Триста лет назад маг-еретик разорвал жилу силы, и треть королевства Веррия стала мёртвой Пустошью. Династия удержала катастрофу Обетом: наследник престола отдаёт своё сердце — способность любить и помнить дорогих — магической Сети, и Сеть держит границу Пустоши. Нынешний Сердцедержец Кассиан ничего не чувствует уже два года — и не знает, что регентша кормит Сеть не его сердцем, а сердцами простолюдинов-отголосков. Когда дочь картографа Ивенна, способная слышать умирающие жилы, попадает к нему в руки, сделка «ты ведёшь меня к истоку — я спасаю твоего брата» начинает медленно трескать сам Обет.

© Алова Е., 2026
© Автор, 2026

Есения Алова
Сердцедержец

Есения Алова
СЕРДЦЕДЕРЖЕЦ
романтическое фэнтези
Аннотация

Триста лет назад маг-еретик разорвал жилу силы, и треть королевства Веррия стала мёртвой Пустошью. Династия удержала катастрофу Обетом: наследник престола отдаёт своё сердце — способность любить и помнить дорогих — магической Сети, и Сеть держит границу Пустоши. Нынешний Сердцедержец Кассиан ничего не чувствует уже два года — и не знает, что регентша кормит Сеть не его сердцем, а сердцами простолюдинов-отголосков. Когда дочь картографа Ивенна, способная слышать умирающие жилы, попадает к нему в руки, сделка «ты ведёшь меня к истоку — я спасаю твоего брата» начинает медленно трескать сам Обет.

Пролог

Из хроники Гильдии перьев, год первый от Раскола.

В ту ночь небо над Веррией стояло красное, как раскрытая рана. Ни одна свеча не горела ярче зари, и старухи выходили на крыльца смотреть, как краснеет снег, и молчали, потому что слов для этого ещё не придумали.

Арвенн перерезал жилу под Грозовым Увалом. Так теперь говорят. Я знал его тридцать лет и знаю иначе: он не перерезал. Он попросил короля сказать правду — трижды просил, на коленях, по всем правилам, какие есть у вассалов, — а потом сделал то, что делает человек, которого перестали слышать: взял и показал. Разрезал жилу, чтобы вся страна увидела, чем она питается.

Мы увидели. О, как мы увидели.

Земля у Грозового Увала осыпалась в серый пепел. Деревья стояли. Трава стояла. Птицы, летевшие над нами, опустились на голую землю и сидели — потому что сидеть стало больше не на чем. Треть королевства умерла за один выдох, и я до сих пор не умею описать этот звук: не грохот, не стон — как будто кто-то очень большой вздохнул и не стал вдыхать снова.

Король Эймар Первый уцелел. Его всегда удавалось уцелеть. Он собрал выживших на пепелище и сказал слова, которые я записал дословно, потому что это моё ремесло: «Я беру на себя Обет. Мои дети будут держать Сеть своими сердцами. Пусть граница Пустоши стоит, пока стоит наш род».

Народ плакал и благодарил. Народ никогда не спрашивает, кто платит, когда платит не он.

Арвенна сожгли на том же пепелище. Он не сопротивлялся и не сказал ни слова — только смотрел на короля, и в глазах у него было то, чего я не буду описывать, потому что перепишу, если опишу.

Я стар. Рука дрожит, и перо ведёт неровно. Успею дописать не всё, а когда меня не станет — некому будет дописать остальное. Поэтому запомните, кто это прочтёт: хроника, которую вы читаете, писана живым человеком при живом короле. Прочтёте чужую — писана при живом короле тоже.

Мы записали не всё. Простите нам.

Глава 1. Пепел Под Мельницей

Жила стонала уже третий год, и Ивенна научилась делать вид, что не слышит.

Это было сложнее, чем скрывать уродство или воровство, — притворяться глухой к стону, который раздавался у неё в костях, под подошвами сапог, в ручке колодца, когда она тянула ведро. Жила под Вельховой Пристанью умирала. Не спала — умирала: три года назад она начала сбиваться с ритма, как нездоровое сердце, а этой осенью стон сменился шёпотом, и шёпот был такой, что Ивенна по ночам подкладывала под уши свёрнутый платок и всё равно слышала.

— Опять ты тут сидишь, — раздалось от ограды.

Мельничихина дочка Мила держала за пазухой краюху. Одиннадцать лет, косы, лукавые глаза — обычная девочка, не отголосок; Ивенна проверяла это столько раз, сколько человек способен проверять, не признаваясь себе, что проверяет.

— Жду, пока смелют, — сказала Ивенна.

— Смелют только если покормишь жёрнов. Дед говорит, мельница с голоду стала мелять.

Дед Милы был старым пьяницей и повторял штампы, но в этом был прав. Мельница стояла на узле, на выпуклости жилы, как бродяга на спине урока, и жила слабела — потому её и не толкало. Ивенна прижала ладонь к тёплому ещё камню фундамента и прислушалась. Шёпот. Обрыв. Шёпот.

Железная заколка в волосах делала своё дело: слух тупел, стон отодвигался, как через толщу воды. Без заколки она слышала весь город сразу — и не вынесла бы. Маркированным ношение железа вменялось законом. Немаркированным — не запрещалось. Закон вообще не знал, что бывают такие, как она: отголосок без отметины, «тихий», как называли таких редко выживающие. Слух — смерть. Она выучила это раньше, чем читать.

— А тебе-то что, — Мила забралась на ограду, покачала ногами. — Ты ж всё равно уедешь. Все говорят.

— Кто это — все?

— Ну, девки. Говорят, у Кролов карта есть отцовская, и ты по ней уйдёшь. К истоку. — Мила сказала «исток» так, как взрослые не говорят: без страха, как о сказке. — А по пути чужих за собой тянешь?

Ивенна подняла голову.

— Каких чужих?

— Не знаю. Дед говорит, земля тянет к тем, кто слышит. — Девочка спрыгнула и пошла задом наперёд, блестя пятками. — Краюха твоя. Дед просил передать: больше не носит.

Она убежала. Ивенна сидела на тёплом камне ещё долго, потому что к фразе «земля тянет к тем, кто слышит» ей нужно было придумать лицо. Лицо придумалось страшное — и правильное: жила умирала не сама. Её пили. Где-то, на другом конце потока, кто-то переливал её силу, как воду из чужого колодца.

Отец умер четыре года назад в Пустоши, оставив ей карты и один урок: «Не ищи исток, Ив. Кто находит исток — заканчивается». Она не искала. Она просто слышала и не могла не считать: за три года обеднели восемь узлов. За одиннадцать месяцев — пять. Линия опустошения шла с юго-востока на северо-запад. По карте это ложилось ровно туда, где по осени ходили серые повозки.

Жатва. Дети-отголоски, свезённые в столицу «в служение Сети». Три недели назад увезли Тэо. Ей не сказали ни куда, ни зачем — объявили жребием и милостью.

Ивенна встала, отряхнулась и пошла через площадь к таверне «Свинья и челнок», где её ждал вечерний поднос заказчиков карт. Она была почти у двери, когда площадь затихла — так затихает вода под подошедшей лодкой.

Их было двенадцать. Серые плащи, железные перстни на каждом пальце, лошади без единой сединки. Ивенна знала понаслышке форму Тихого Приказа и никогда не видела её вживую, но узнала мгновенно — так узнают яму под снегом.

Командир спешился первым. Молодой, тонкий, в сером, который у других смотрелся бы мишурой, а на нём сидел как вторая кожа. Лицо у него было правильное и никакое: как будто кто-то вырезал профиль очень умело и забыл вложить внутрь человека. Только глаза — светлые, застывшие, — смотрели с излишним, почти беспокойным вниманием, как у человека, который смотрит не на тебя, а сквозь, на что-то за твоим плечом.

— Ивенна Кроль, — сказал он. Голос был ровный, тёплый и совершенно пустой, как отапливаемая комната в пустом доме. — Дочь картографа Яна Кроля. Вы пойдёте с нами.

За её спиной хлопнула дверь таверны — кто-то успел захлопнуться от греха. Ивенна стояла очень прямо, чувствуя сквозь железо заколки далёкий, последний стон жилы под мельницей, и думала с непонятной ей самой ясностью: вот и всё.

— Собирайтесь, — сказал человек в сером. — На дорогу даю десять минут.

Глава 2. Дорога, Которую Не Выбирают

Кассиан просыпался так же, как засыпал: сразу, без перехода, будто кто-то выдёргивал у него из-под головы дно. Два года он не помнил ни одного сна. Сны, говорили ему в детстве, приходят к тем, кому есть что забрать.

Он сидел в седле уже третий час и считал. Не вёрсты — удары. Его сердце отбивало такт, как маятник в чужом доме: сто восемь ударов в минуту утром, в полдень, в грозу, на похоронах. Исправно. Ровно. Не для него.

В шестом часу, на развилке у Каменного брода, пришла утренняя поверка. Сеть потянула — коротко, привычно, как тянут повод. Лёгкий тёплый рывок под грудиной, там, где раньше жило что-то, а теперь стояла пустая комната с гулким эхом. Кассиан ответил, как отвечал всегда: принял связь, отдал положенное, отмерил. Прошло. Он не знал, что именно прошло и куда ушло отмеренное, — этому его не учили, а спрашивать было не у кого.

— Поверка была? — Рейна Кросс поравнялась с ним, не поворачивая головы. Она называла его по чину, когда вокруг были другие, и по имени, когда вокруг никого не было. Таких моментов за два года набралось не много.

— Была. Как всегда.

— Ты в последний месяц поправляешь перчатку после поверки. Раньше не поправлял.

— Раньше я и поправлять было не чему.

Рейна ничего не ответила, но губы у неё сжались. Она была единственным человеком, который помнил Кассиана до Обета — рыжим сопляком, влезавшим на капители собора Эймхолла, чтобы посмотреть, как далеко видно. Теперь на капители никого не влезало, а Кассиан служил Тихому Приказу и не знал, зачем. Так было честнее всего сказать: он не знал. Но за незнание в его положении полагалась плаха, поэтому он говорил: «по долгу».

Пленница ехала впереди, между двумя драгунами. Она не выла, не молилась, не торговалась — она смотрела под копыта лошадей и что-то считала. Это раздражало: не поведение, а счёт. Люди в беде обычно кричат, молятся или глядят в глаза конвою, надеясь на исключение. Эта — считала. Кассиан знал только двух существ, которые в несчастье занимаются счётом: картографов и себя.

На полуденном привале он велел подать ей хлеб и свиток — в таком порядке, в каком подают убитым.

— Приказ читать умеете? — спросил он.

— Умею.

Она прочла. Дочитала до конца — этому её научил отец, наверное, — и подняла глаза. В них не было страха. Была скука, какую испытывают к очень плохой книге с хорошим сюжетом.

— «Тихая, — прочла она вслух. — Немеченый отголосок, не прошедший маркёризацию. Доставить в Эймхолл для установления пригодности». Пригодность — это что?

— Это решают в столице.

— Понятно. — Она вернула свиток, стараясь не коснуться его пальцев, и он заметил это старание. — И что решат?

— Всё, что годится.

— Тогда слушайте, что годится. — Она придвинулась ближе, и драгуны насторожились, но он велел им отойти жестом — коротким, против воли. — Жила под моей мельницей умирает. Не спит — умирает. Это слышит даже моя соседка Мила, а она не отголосок, она просто боится. За три года умерло восемь узлов, за последний год — пять. Линия идёт с юго-востока. По осени по этой линии ходят серые повозки. Скажите мне, пан сердцедержец, что в них везут?

Он не ответил. Не потому, что не знал, — потому что знал слишком хорошо и слишком мало одновременно.

— Вы знали, кто я, ещё до Пристани, — сказала она. — Значит, приказали не за скандал в таверне. Значит, вам нужна тихая, которая слышит и молчит. Хорошо. Вот моё предложение: я веду вас к истоку. По картам моего отца. А вы возвращаете мне брата. Его зовут Тэо, ему девять лет, его увезли с осенней жатвой три недели назад.

— У меня нет таких полномочий.

— Значит, вам нужен тот, у кого есть. Я пригожусь ему больше, чем живой узник — мёртвой виселице. Живой картограф пригождается мёртвому истоку ещё больше.

— Вы знаете, где исток?

— Я знаю, где он был. — Она помолчала. — И знаю, почему отцовская карта — единственная, по которой к нему вообще можно дойти.

Он должен был ответить по уставу: отказать, доложить, доставить. Он слушал собственное молчание — оно было длинным, и в этом молчании было что-то, похожее на выбор, которого у него не должно было быть.

— Покажите карты, — сказал он.

Карты развернули на брошенном у дороги пне. Он вспомнил потом эту сцену часто и с недоумением: осенний свет, ложившийся на бумагу желтым, её палец, ведущий по тонкой линии опустошения, — и то, что случилось, когда его перчатка легла на карту рядом с её пальцами.

Тепло. Как солнце сквозь стекло в декабре — то, что бывает только у окна и только в детстве. Тонкое, мгновенное, живое.

Он отдёрнул руку так резко, что драгун у повозки оглянулся.

— Что-то не так, пан? — спросила она ровно.

— Ничего. — Он перчатку расстегнул и застегнул снова. — Ведёте от Увала, говорите?

— От Увала, — сказала она, глядя на него внимательнее, чем ей полагалось.

Вечером, в походной палатке, при свече, он открыл походную книгу и записал пером, нажим которого выдавал хозяина: «Аномалия первая. Источник не установлен. Продолжить наблюдение».

Он не знал, что наблюдает уже не за ней.

Глава 3. Железо И Компас

Ночевали в балке под Лисьими Колодцами. Костёр сложили в яме, чтобы свет не выдавал, — учение Приказа, у которого нет невоенных правил. Ивенне оставили место у огня, как оставляют место инструменту: не жест, а расчёт.

— Жила умирает, а я должна делать вид, что глухая, — сказала она, когда офицер Приказа свернул за балку. — Вы понимаете, что это значит? Это значит, что у меня в голове всю жизнь сидит чужая боль, а я хожу и улыбаюсь.

— Устав запрещает мечёным снимать железо вне дома, — сказал Кассиан.

— Я не мечёная. Устав мечёных ко мне не имеет отношения, и вы это знаете, иначе я бы уже ехала в цепях.

Он думал об этом дольше, чем положено думать об уставе. Потом снял с её волос заколку сам — осторожно, как берут с огня: не потому, что боится обжечься, а потому что вещь ценная. Положил ей на ладонь.

— Если услышите лишнее — молчите. Если не сможете молчать — дайте знак рукой.

— А если не смогу и знак дать?

— Тогда врите с уверенностью. Приказ уважает уверенных лжецов, — сказал он и сам не понял, пошутил или констатировал.

Она сняла железо, и мир хлынул.

Ивенна услышала балку — траву, которая дремала в корнях; ручей, который тёк по жилке тоньше волоса; драгунов, у которых под сапогами отзывается камень; и далеко-далеко, юго-восточнее, — рваный ритм, дёрганый, как нездоровое сердце.

— Она не просто умирает, — сказала она. Кассиан видел, как у неё дрожат руки, и впервые за вечер не думал о протоколе. — Её пьют. Вот отсюда. — Она показала рукой на юго-восток. — Каждое утро и каждый вечер, два раза. Как будто кто-то заводит часы и снимает завод.

— В Эймхолле поверки два раза в сутки, — сказал Кассиан, и сам услышал свой голос так, как слышат чужой.

Она посмотрела на него. Долго. Он не отвёл взгляд, потому что не умел, а потом подумал, что не отвёл, потому что не хотел.

— Утро и вечер, — повторила она тихо. — Два раза. Как поверка.

Он не ответил. Ответить было нечем.

К полуночи костёр осел до углей. Ивенна не спала — она лежала, глядя в небо, где между туч ползла рыжая, как медь, звезда.

— Вы не спите, — сказала она в потолок.

— Я сплю два часа.

— А во сне?

— Ничего.

— Это лучше, чем кошмары, или хуже?

Он молчал так долго, что она уже перестала ждать ответа, и тогда он сказал:

— Я не знаю. Я не помню, каково это — кошмары.

— Не помните вообще ничего? Сны, вкус, страх?

— Помню, как это называется. — Он говорил в потолок ровным голосом, каким диктуют сводки. — Описываю по памяти. Страх — это когда хочется, чтобы мир остановился, и понимаешь, что нельзя. Радость — это когда мир остановился, а ты всё равно жив. Тоска — это...

— Тоску не описывают по памяти, — сказала она. — Тоску узнают в живую.

— Тогда у меня её нет.

— Враньё, — сказала она сонно и почти без злобы. — У вас под серым все ходят с тоской. Просто у вас она пустая.

Утром компас сломался — стрелка ходила ходуном, потому что расшаталась игла. Ивенна починила бы за минуту, но пальцы закоченели: ночи уже были зимние. Она протянула руки к костру, потом к Кассиану, который сидел ближе и был теплее костра, — просто свечи ладоней у его ладоней, не касаясь, механически, как делают все живые люди без умысла.

Тепло прошло через перчатку.

Сто девять, — насчитало его сердце и осеклось.

Он отдёрнул руку. Стрелка компаса, наполовину вправленная, сорвалась и упала в траву. Ивенна нашла её, подняла, посмотрела на него снизу вверх — не испуганно. С вниманием, каким смотрят на карту, на которой не туда легла дорога.

— Простите, — сказала она. — Замёрзли?

— Нет, — сказал Кассиан. — Я не мёрзну.

— Знала, — вздохнула она. — Ладно. Сама справлюсь.

Он отошёл к лошадям и стоял там до рассвета, считая удары. Сто восемь. Сто восемь. Сто восемь.

Он не знал, чего ждал, но почти разочаровался.

Аномалию вторую он вписал в книгу тем же вечером, ровным пером: «Аномалия вторая. Источник не установлен. Продолжить наблюдение».

Глава 4. Обоз

На третий день, на повороте к Сухому Логу, дорога оборвалась — не потому, что кончилась, а потому что была занята.

Сначала они увидели ворон. Потом — фургоны. Потом поняли, что фургоны не просто стоят: они лежали, как лежат повозки, которых больше некуда везти. Двенадцать телег в три ряда, вперемешку с седельными лошадьми, поораннными, спотыкающимися на свободе, — обоз жатвы. Брошенный.

— Отряд Приказа? — спросила Ивенна. Голос у неё был ровный, и от этой ровности у Кассиана что-то сжалось — не в сердце, сердце не могло, а в том месте, где раньше стояло сердце.

— Форма наша. Это не армия. — Рейна спешилась первой. — Это жнецы.

— Жнецы?

— Те, кто собирает, — сказал Кассиан. Он говорил коротко, чтобы голос не дрогнул, и не понял, зачем потребовалось, чтобы он не дрогнул.

В телегах лежали ящики. В ящиках, выстланных бархатом, — сосуды. Стеклянные, продолговатые, как бутыли для драгоценного масла, с медными пробками. Ивенна открыла первый. Пустой. Второй — пустой. Третий...

Сосуд был не пуст.

В нём, в янтарной жидкости, висело сердце. Маленькое. Размером с кулачек девятилетнего мальчика.

Оно билось.

Ивенна не закричала. Кассиан ждал, что закричит, — так кричат в таких сценах, он читал такие сцены в хрониках. Она молчала, и от молчания было хуже, чем от крика. Она опустилась на колени прямо в грязь, взяла сосуд обеими руками и прижала его к груди так, как прижимают ребёнка, потом закрыла глаза и слушала.

— Ему было восемь, — сказала она наконец. Голос не дрожал. — Гульсара. Дочь сапожника из Малой Зати. Он сапожил отцу сапоги к её четырёхлетию — отец писал. Она всё ещё носила их, потому что росла медленно и жалела обувь.

— Вы не можете этого знать, — сказал Кассиан. Он знал, что это правда, и всё же потребовал доказательства, потому что требование было единственным, что он умел сделать с этим. С этим, у чего не было названия.

— Я слышу. Сердца не молчат, пока бьются. Они кричат всё время: я здесь, я здесь, я здесь. — Она открыла глаза. — Она перестала кричать три часа назад. Но ещё бьётся. Ещё!

Кассиан смотрел на маленькое сердце в стекле и думал, что сейчас должен почувствовать. Протокол: доложить, изъять, оформить акт, продолжить. По уставу всё это было правильно. По уставу. Он поднял руку к сосуду — проверить, сличить, зафиксировать, — и его пальцы легли на стекло рядом с её пальцами.

И Ивенна услышала — не сердцем в стекле, а им: у него внутри было тихо и пусто, как в выгоревшей комнате, но в самой этой пустоте была неправильная форма. Форма чего-то, что когда-то здесь стояло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.